

К ВОПРОСУ ОБ АЛГОРИТМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМ

К.К. Каримова

*Павлодарский государственный университет
им.С.Торайгырова*

Долгое время считалось, что национально-этнический компонент присутствует в основном в предметах материально-фактологического характера. Свидетельством тому являются исследования, посвященные проблемам сохранения различных компонентов национального колорита при переводе на другой язык. Со временем развитие лингвокультурологии привело к осмыслению того факта, что национально-культурный компонент присутствует имплицитно и в речеповеденческих лингвокультурах и в лингвокультурах аксиологического характера.

Таким образом, проблема трансформации национальной образности в процессе перевода приобрела новую направленность и актуальность. Современное развитие теории переводоведения и лингвокультурологии обусловили значительное преимущество прямого перевода перед опосредованным переводом. Наличие эквивалентов можно рассматривать лишь как доказательство наличия в семантике каждого языка универсальной части, некоего «общего семантического пространства», которое на наш взгляд все-таки не может считаться идеальным. Подобно тому, как в культуре каждого народа есть общечеловеческое и этнонациональное, так и в семантике каждого языка есть отражение универсального компонента культур и своеобразия культуры конкретного народа, который обусловлен единством видения мира людьми разных культур. В любых культурах говорящие нуждаются в различении субъекта действия и его объекта, предмета и признака, тех или иных временных и пространственных отношений. Межкультурная универсальность проявляется в том, что все языки различают вопросы и ответы, модальные и эмоциональные оценки говорящими того, о чем идет речь. Межкультурная общность человеческого видения мира обусловила антропоморфную концепцию универсальной картины мира. Во всех языках обозначения абстрактного и идеального в своих истоках восходят к обозначениям конкретного и материального. В разных культурах человек называет новое с помощью прежде созданных имен – метонимически, метафорически, сужая или расширяя их семантику.

Так, например, почти во всех культурах люди сочетаются браком, и вновь приобретенные родственники получают свой статус. Известно, что

казахские термины родства отличаются большей детализованностью и представляют собой устойчивые образования, которые обладают нейтральной стилистической окраской. Согласно исследованию М.Ш. Сарыбай, их общее количество составляет тридцать шесть наименований [1]. Только в казахском языке существуют обозначения для каждого члена семьи согласно его статусу. Отдельные наименования имеют члены семейного клана соответственно родовому генеалогическому древу, иерархическому положению, а также по принадлежности к мужской или женской линии. В отличие от казахской терминосистемы родства, английская значительно меньше (21 наименование). Известно, что в английском языке все родственники, приобретаемые «по закону», так и называются: «relatives-in-law». Так, например, старший брат мужа, младший брат мужа, муж сестры жены, муж старшей сестры и муж младшей сестры – все это обозначается одним словом – *brother-in-law* – «брат по закону». Тот же постфикс присутствует в обозначении родственных связей по женской линии и по линии приобретенных родителей мужа или жены. Так как термины родства эксплицируют характерные для любого этноса семейно-родовые отношения, следовательно, родство – не только социальное, но и историко-этническое понятие, т.к. его развитие обусловлено не только всеобщими закономерностями, но и бытом, культурой, моралью того или иного этноса. Термины родства служат для обозначения двух типов родства: определенного реального когнатического родства (т.е. родства в результате генетических связей) и определенного реального матримониального родства (т.е. родства в результате юридически закрепленного заключения брака).

Таким образом, такой диапазон генетических и матримониальных связей не может не вызывать трудности в процессе перевода. Рассмотрим некоторые примеры:

Тонтекеңнің жиенімін деп тұр ғой! – десін, Абайдың нағашыларын есіне алысты [2, 12 б.].

Ну, конечно, в нем течет кровь Шаншар. Сразу видно, что он внук Тонтекена! - наперебой заговорили вокруг [3, с. 32].

“Why, of course, there’s Shanshar blood in his veins! One can see at once that he’s the grandson of Tonteken!” [4, p. 32].

В данном примере переводчик использовал прием конкретизации. «*Нағашылар*» - то есть родственники по материнской линии, конкретизированы названием рода Шаншар. Таким образом, лексическая трансформация не нарушила общего семантического содержания оригинала, делая ее понятной для иноязычного читателя. Вместе с тем, как явление окказиональное, она не смогла сохранить национально-окрашенную единицу. Так как, «*нағашылар*» - это не просто родственники по материнской линии, это – целый концепт, включающий в себя свои правила поведения, моральные установки и, в некотором плане, материальную обязанность перед племянниками «*жиен*». Кроме того, как видно из

примеров, и в прямом и в опосредованном переводе произошла грамматическая трансформация – одно предложение оригинала разделилось на два в переводе.

Известно, что в 2007 году вышел современный перевод произведения «Абай жолы», выполненный А.Кимом. В современном переводе, автор использовал прием экспликации, что позволило читателю понять, что речь идет именно о родственниках по материнской линии:

Перебрали многих родственников по материнской линии, записных остроловов. Вспомнили и про самого знаменитого, Тонтая [5, с.18].

В казахской лингвокультуре широко распространено условное родство (өкелес іні ‘младший единокровный брат’) и искусственное родство (өкіл күйеу, кіндік бала, бесік құда). Например:

- *Өкіл күйеуі шын күйеу емес, тамыр есепті нәрсе.*

- *Онда «тамыр» деп неге аталмайды?*

- *Тамырлық құрбылас кісінің арасында болады. Ал, жасы үлкен кісімен жас жігіт тамырласам десе, кейде осылайша өкіл күйеу боп аталады [2, 112 б.].*

К сожалению данный эпизод не нашел своего отражения в переводе. Хотя, применив описательный способ, можно было донести до читателя эту лингвокультуру, так как это явление (естественно, немного отличное) существует и в русской и в английской культуре. Согласно казахским традициям, когда у новорожденного ребенка есть крестные родители, то такой ребенок называется гкіл бала – крестник. Соответственно - крестные родители «гкіл ата-ана». Как правило, крестными становились только состоятельные люди в степи, так как это обозначало, в первую очередь, материальную ответственность за жизнь крестника во все значимые периоды жизни (шілде хана, тұсау кесер, құдалық и т.д.).

Как показало исследование, современный вариант перевода использовал прием транслитерации и описательный способ, что позволило данной лингвокультуре найти свое отражение в переводе.

- *Названный зять? Как это?*

- *А очень просто. Это не настоящий зять, а что-то вроде побратима – тамыра.*

- *Тогда почему тамыром его и не называть?*

- *Тамырами могут стать сверстники, но если человек, годами моложе, захочет стать побратимом старшего по возрасту, то, по обычаям нашим, он может быть только «окил күйеу» - названным зятем [5, с. 187].*

В следующем примере, при переводе терминов родства был использован неудачный аналог:

Жаңағы шешелерден басқа: жеңгелер, көрші үйлердің қатындары, бірін-саран тыста жүрген шал-кемпір, онан соң осы ауылдың барлық үйлерінен шығып, жүгірісіп келіп жатқан балалар бар [2, 9 б.].

Подошли многочисленные невестки и женщины соседних юрт, несколько старух и стариков, копошившихся поблизости; примчались со всех ног мальчишки [3, с. 29].

Girls and women from neighbouring yurtas, a number of old men and women flocked to the spot. Little boys came running as fast as their legs would carry them, and men, too, approached from all sides [4, p. 26].

В данном примере, объем значений лексемы «жеггелер» и лексемы «невестка» совпадает не полностью. Так, например, *женге* - обозначение жены старшего брата, может быть применено по отношению к женщине, являющейся женой любого другого старшего родственника, и к замужней женщине, старшей по возрасту, более или менее знакомой собеседнику, а в русском языке употребление слова «невестка», ограничивается определенной семьей. В опосредованном переводе *жеггелер* переведено как *girls* «девочки, девушки», что, на наш взгляд, является переводческим браком.

Немаловажную роль играет и широкое употребление терминов родства в качестве обращения. Термины родства являются самой многочисленной группой вокативов. Обычно говорящий называет собеседника согласно его иерархическому положению. Иногда такое обозначение является единственно возможным, ибо выступает в роли эвфемизма взамен табуированного личного имени (*күда, күдағи*). В таких случаях актуализируется сема 'почтительность'.

В таком аспекте, особый интерес для исследования представляют слова, отражающие явления, специфичные для дореволюционного быта, например:

Бұлар бәйбіше, біз тоқал зой... теңкі көрмекпіз зой [2, 72 б.].

Вы - старшие, мы тоқал!.. Наша доля – терпеть унижения, сносить побои! [3, с. 97].

You're the seniors, and we – tokal. It's our lot to be humbled and beaten, isn't it? [4, p. 130].

Лексема *бәйбіше* обозначает «старшая жена» - «*бәй*» - первая, главная, «*біше*» - женщина, жена, супруга, *тоқал* обозначает «младшая жена», выполняющая все хозяйственные работы, занимающая низшее положение в семейной иерархии. При переводе «*бәйбіше*» было использован описательный способ, однако, на наш взгляд, более корректным была бы актуализация семы «первая жена», хотя в некоторых местах романа встречается транслитерация со сноской в контексте. При переводе «*тоқал*» использован прием транскрибирования и дана сноска в контексте, что на наш взгляд способствует сохранению национально-культурной специфики оригинала.

Обобщив результаты анализа казахских терминов родства, мы пришли к выводу, что основным способом перевода является прием транслитерации с дальнейшей сноской в контексте, и описательный способ, что обусловлено индивидуальной номинацией каждого члена семьи, рода, клана по отношению друг к другу и, способствующей самоидентификацией среди других родов.

В процессе перевода, поверхностное знание культуры народа - носителя языка оригинала приводит к тому, что наиболее сложные части текста,

изобилующие языковыми единицами с национальной окраской, либо полностью опускаются, либо переводятся кратко и поверхностно. Так, например:

-Уай, қатын, қазан көтер мына қонаққа! – деп бұйрық етті [2, 107 б.].

Эй, хатын, ставь котел гостям! - приказал он [3, с. 132].

“*Khatin, prepare something for the guests!* [4, p. 182].

Рассмотрим, какие приемы использовал переводчик для трансформации и были ли они оправданы? Так, для слова «қатын» была использована транслитерация, хотя в словаре имеется вариантное соответствие «жена, баба», то есть данный прием здесь необоснован. Во-вторых, выражение «қазан кiтерү» переводится «готовить пищу», а не «ставить котел гостям», что звучит искусственно даже, по-русски. В степи существовало представление, что нежданный гость – это гость от бога, и хозяин дома обязан встретить, накормить лучшим из имеющихся запасов и, если потребуется, предоставить ночлег. Английский вариант «приготовь что-нибудь гостям» более точно передает содержание оригинала, за исключением слов «*Khatin*», и «*something*». Как уже отмечалось, хозяева готовят лучшее, что есть в доме, а «*something*», переводится «что-нибудь», что не одно и то же. Как следует из анализа переводов, такой вариант вызывает ощущение неестественности речи. Использованный прием калькирования привел к искажению и денотативной и коннотативной информации, заложенной в оригинале.

В современном переводе, автор не раскрыл значение данного выражения, ограничившись несоответствующим оригиналу вариантом:

Вскоре обратился к женицине, пахтавшей мутовкой сырный творог, и повелел: - Эй, женицина! Принеси им кумысу! Путь отведает... [5, с. 204].

В нашем понимании, степень трансформации должна быть обусловлена, с одной стороны, принципами декодирования (семантические, стилистические и прагматические нормы), с другой стороны, типом лингвокультуры и объемом сигнификативной информации, заложенной в ней и соответствовать нормам и узусу переводного языка.

Если прямой перевод содержит неточности, искажения, пропуски целых абзацев оригинального текста, а иногда и явный переводческий брак, то это не может не отразиться в опосредованном переводе.

Например:

Үлкен ақ үйдің оң жағына әкеліп, әжесінің жер төсегін жайлап берді де, шешіндіріп жатқызып, өзінің мол пұшпақ ішігімен жауып, қымтап қойды [2, 35 б.].

Приготовив постель в правой части юрты, возле лежанки Зере, она молча уложила сына и укрыла его своей лисьей шубой [3, с. 58].

She arranged his bed in the right-hand side of the yurt, near the couch of Zereh, laid him down and quietly covered him with her fox fur-coat [4, p. 70].

В оригинале говорится, что Улжан приготовила постель в правой части юрты, расправив постель бабушки и укрыв своей шубой. То есть, «*әжесінің*

жер төсегі» - это никак не лежанка. Согласно словарной статье «лежанка – это длинный выступ (у печки, у стены) – для лежания [7, с. 322]. Понятно, что в юрте не могло быть никаких выступов у стены, тем более у печки. Более того, на наш взгляд, в слове *лежанка* присутствует пренебрежительная оценочность. Думается, что у бабушки Зере, матери самого Кунанбая, место для отдыха было особенно комфортным. Переводчик пытался использовать такой прием, как подбор аналога, который заключается в том, что подыскивается ближайшее по значению соответствие в переводном языке для лексической единицы оригинала, которое хотя и не полностью совпадает с исходным понятием, но имеет с ним значительное семантическое сходство. Однако в данном случае произошло искажение культурной исходной информации. Другими словами, при данной трансформации произошло изменение и плана содержания, и плана выражения, что мы рассматриваем, как переводческое несоответствие. В опосредованном переводе слово “*couch*” вообще не выдерживает критики. Во-первых, согласно словарной статье, данное слово переводится как «*кушетка, тахта*», что тоже не соответствует реальности. Во-вторых, оно совпадает по периферийным семам со словом «*лежанка*» как «место, где отлеживаются животные». Более корректным, на наш взгляд, является следующий вариант: *Having brought him to the right-hand side of The Great Yurta, she arranged his grandmother's bed, put him down and carefully covered with her wide fur-coat. (Переведено нами). Пройдя на правую половину юрты, она расправила бабушкину постель, уложила его, заботливо укрыв своей большой меховой шубой. (Переведено нами).*

Однако далее в тексте мы можем наблюдать более точную трансформацию:

Бұдан басқа оң жақта, жер төсектің үстінде бала уатқан Зере бар [2, 69 б.].

Направо, на постели, разостланной на полу, сидит Зере, раскачивая коленом люльку своей маленькой внучки Камшат, дочери Айгыз [3, с. 94].

Однако в опосредованном варианте *жер төсек* переводится как «низкая кушетка или тахта»:

On his right, Zereh sat on a low couch and with her knee gently rocked the cradle of her granddaughter Kamshat, the daughter of Aigiz [4, p. 104].

В прямом и опосредованном вариантах перевода данного предложения, мы встретили еще один факт переводческого несоответствия: «*пұшпақ ішік*» – это *шуба из лапок животных, а не лисья шуба*. Такая одежда шилась из лапок любых животных (лиса, выдра, волк, соболь, заяц, енот) [7, с. 770].

Известно, что языковой материал в статике имеет несколько иные свойства, чем в динамике и, имеющиеся на сегодняшний день, в распоряжении переводчиков рекомендации, которые носят преимущественно лексико-грамматический характер, не вполне пригодны для перевода

лингвокультурологических единиц. Другими словами, лингвистический путь изучения перевода, безусловно, являясь необходимым, не является совершенным для решения многочисленных переводческих проблем. Как показал анализ, формальные трансформации, произведенные без учета сигнификативных коннотаций и фоновой информации, ведут к потере национально-культурной образности или даже к ее искажению.

На сегодняшний день существует несколько точек зрения по вопросу о существовании алгоритма действий переводчика при переводе художественного текста. Большинство склоняется к тому, что перевод не может быть осуществлен по строгим правилам. Тем не менее, анализ переводческих трансформаций лингвокультурем позволил нам построить следующий алгоритм работы над переводом. Мы не претендуем на исключительность или завершенность данного алгоритма, однако считаем, что он (алгоритм) может служить в качестве своеобразной стратегии действий переводчика при переводе национально-окрашенных единиц.

I этап: Определить тип лингвокультуры

II этап: Определить характер лингвокультуры

III этап: Выявить степень определяющего компонента семантической структуры той или иной лингвокультуры, требующего переводческого решения в данном контексте (денотат, коннотат, сигнификат).

IV этап: Определить функцию лингвокультуры в данном контексте (информативная, коммуникативно-регулятивная, прагматическая).

V этап: Выявить аналог/эквивалент/ в переводном языке, в соответствии с функцией и прагматической направленностью лингвокультуры, а также согласно нормам переводного языка.

VI этап: Определить способ и прием перевода лингвокультуры согласно вышеуказанным характеристикам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сарыбаева М.Ш. Система обозначения родства в английском, русском и казахском языках: дисс. к.филол.н.: – Алма-Ата, 1991. – 214 с.
2. Әуезов М. «Абай жолы»: роман-эпопея. – Алматы: «Жазушы», 1989. Бірінші кітап, – 608 бет.
3. Ауэзов М. Путь Абая: роман-эпопея / Авторизованный перевод А.Никольской, Т.Нуртазиной, Л.Соболева. – Алма-Ата: «Жазушы», 1977. – Т. 1. – 600 с.
4. Auezov M. Abai. A novel, book one. Foreign Languages Publishing House. – Moscow, Library of Selected Soviet Literature. – 449 p. Translated from the Russian by L.Navrozov.
5. Auezov M. Abai. A novel, book two. Foreign Languages Publishing House. – Moscow, Library of Selected Soviet Literature. – 431 p. Translated from the Russian by L.Navrozov.

6. Ауэзов М. Путь Абая / пер.А.Кима. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2007. – Кн.1. – 470 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, 4-е изд.; доп. – М, 2000.
8. Казахско-русский словарь: Ок.50000слов / под ред. член-корр. НАН РК Р.Г.Сыздыковой, проф.К.Ш.Хусаин. – Алматы: Дайк-пресс, 2002. – 1008 с.
9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі қазақ / Ред. Ысқаков А.Ы. – Алматы, 1959. – 398 б.

Түйіндеме

Бұл мақала лингвокультуремалардың аударма мәселелерінің алгоритміне арналған.

Resume

The article is devoted to algorithmization of the process of lingvoculturemes translation issue.

ӘОЖ 81'342

ОРЫС ТІЛДІ АУДИТОРИЯДА ҚАЗАҚ ТІЛІН ИГЕРТУДЕГІ ФОНЕТИКАЛЫҚ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ТУРАЛЫ

Б.Ж. Құрманова

*Қ. Жұбанов атындағы Ақтөбе мемлекеттік университеті,
Ақтөбе қ.*

Бүгінгі күні қазақ тілінің оқу орындарындағы өзге тілді аудиторияларда оқытылуына арналған көптеген ғылыми-әдістемелік ізденістер жасалып, олардың нәтижелері оқыту үдерістеріне енгізіліп те жатыр. Олар қазақ тілін деңгейлеп және коммуникативтік бағытта, жаңаша жаңғыртып оқыту (Қ.Қадашева), қатысымдық тұрғыдан оқыту (Ф.Оразбаева), мамандықты ескеріп, кәсіби бағытта оқыту (Р.Шаханова) т.с.с. бағыттар бүгінгі күні айқындалып, қазақ тілін оқыту үдерісінде өздерінің кең қолданыстарын тауып отыр.

Дегенмен де қазақ тілін өзге тілді аудиторияларда оқыту әдістемесінде өзінің шешуін күтіп жатқан мәселелер де аз емес, соның ішінде екінші тілді оқытуда орталық проблема болып саналатын тілдік материалдың саналы жүйеленуінен шығатын тілдік білім мен сөйлеу білігінің коммуникативтік біліктерге сүйенуі принципінің жоғары және орта арнаулы оқу орындарының қазақ тілі бойынша оқу-әдістемелік базасында әлі де болса толық көрініс